

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

ВЕПРЬ. ФЕНИКС

TUBIUS · 2012

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ВЕПРЬ.
ФЕНИКС

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 803

Художник
О. Юдин

Калбазов К. Г.
К17 Вепрь. Феникс: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 311 с.:
ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1331-7

Он попал сюда против своей воли, но полюбил этот мир настолько, что и не помышлял о возвращении. Он обрел семью и уют домашнего очага. Он познал горечь потерь. Он стал лютым зверем. Теперь все, что у него есть, это ненависть. Но как жить, имея лишь такую мотивацию? Сможет ли он снова стать человеком? Все ли в нем умерло или любого зверя можно обуздать, если обрести цель в жизни? Можно ли, потеряв счастье, вновь его найти? Или отныне его участь это мечь? Слишком много вопросов. Ему остается только довериться судьбе и не упустить шанс, если таковой выпадет на его пути.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012
ISBN 978-5-9922-1331-7

Глава 1 НЕЖДАНА

— Эвон вишь — Вепрь, — вдруг донесся мальчишеский голос, полный страха и восхищения.

— Брешешь, — не веря и все же желая, чтобы это оказалось правдой, высказал сомнение другой мальчишка.

— Собака брешет. Говорю тебе: Вепрь и есть. Ишь страхолюд какой, ворог его, как увидит, тут же обделается, а он его раз — и об колено.

— Я думал, он поболе.

— Да куда боле-то! И без того вон какой здоровый.

Вообще-то особой статью Добролюб не отличался. Да, был крепок. Высок. Но ничего особенного, хотя сила в теле такая, что многие диву даются. Не обидел Бог силушкой, чего уж там. Когда Добролюб слышал из уст окружающих ненавистное прозвище, данное гульдами, он обычно злился. Тому, кто осмеливался называть его так, доставалось на орехи. Но на кого сейчас прикажете злиться? На ребятишек? Так они не в злобе это говорят, да и смотрят на него как на героя, не меньше. Правда, обидно такое услышать: «Ишь страхолюд какой».

А ведь было время, когда это страшное лицо было пригожим настолько, что девки глаз не сводили, томно вздыхая. Было, да прошло.

Этот мир не был его родиной, хотя тут уж и не скажешь однозначно. Во всяком случае, тело его принадлежало этой то ли реальности, то ли планете: кто знает,

куда его занесло — в параллельный мир или на иную планету. Виктор Волков родился на Земле в двадцать первом веке, опережающем по развитию этот мир на несколько веков. Уровень здешней цивилизации напоминал позднее Средневековье той, родной для него Земли. Впрочем, это место для него стало таким же родным, хотя судьба обошлась с ним весьма сурово.

Так уж случилось, что, попав в автомобильную катастрофу, Виктор пришел в себя здесь и оказался при этом в чужом теле, принадлежавшем когда-то скомоороху по имени Добролюб, которого привалило деревом. Из обрывочных воспоминаний он сделал вывод, что там, на родине, он погиб, уж слишком серьезным оказалось ДТП, в которое его угораздило попасть. Как так случилось, что душа прежнего владельца тела покинула свою обитель, а его, Волкова, нашла здесь пристанище, ему было невдомек. Но случилось то, что случилось.

В Брячиславии, жителем которой оказался Добролюб, Волков нашел себя. Ему нравилось жить среди этих людей и в этом времени, где все устроено более честно и открыто, а человек стоит ровно столько, сколько стоит его сущность. Хватало и подлости, и злобы, и зависти — обычное в общем-то дело, но все равно справедливости здесь куда больше, чем там, где он жил прежде. Да, здесь можно попасть в холопы и имеется правящий класс. Вот только бояре и дворяне, которые не стесняются подчеркивать свое высокое происхождение, избегают сидеть за одним столом с низшим сословием и откровенно выказывают неприязнь к простолюдинам, по сути, служат этим самым людям. Они не провозглашают пылких и зажигательных лозунгов о равенстве и братстве, они не задумываются о правах человека, мало того — четко указывают на полное бесправие определенных слоев населения. Они могут насмерть запероть своего холопа или убить чужого, отделившись малой вирой, но при всем при этом они служат людям, даже распоследним холопам. Здесь вы-

сокородные не отсиживаются в теплых местечках, посылая на смерть тысячи людей и наживаясь на их крови. Они сами идут в первых рядах на врага. Понятно, что всяких хватает, но это исключение, которое не стоит возводить в правило.

Виктор нашел здесь семью, нашел тех, кто стал для него по-настоящему дорог, хотя все его родные остались там, на оставленной им Земле. А потом в одночасье лишился практически всех, в том числе семьи, жены и дочурки.

Гульды, беспокойные соседи брячиславцев, истово ненавидели всех славен. Время от времени и с завидным упорством они приходили в славенские земли с войной. Именно им Добролюб и обязан своим уродством. Но не за попорченную красоту лютовал он на гульдов. Смерть близких своих никак простить не мог, которых заживо пожгли, а жену перед тем еще и попользовали. Сам он бился, сколько мог, троих срубил, да только и ему досталось. Он потерял сознание, и его посчитали мертвым. Пришел в себя, а подворья-то и нет. Из забытья его вывело горящее бревно раскатившегося сруба, которое и пожгло лицо. Как выжил, и сам не понял, а только когда оклемался, хотел одного... Крови.

За семью он посчитался. Посчитался так, что гульды сильно пожалели о том, что не добились его, когда он лежал посреди полыхающего постоянного двора. На его совести теперь — тысячи жизней ненавистного племени. Виктор не гнушался ничем — он травил, взрывал, жег, стрелял, резал, ни на минуту не задумываясь, прав он или нет. Под его горячую руку, направляемую холодным рассудком, попадали и взрослые, и старики, и дети, но он даже и на секунду не посчитал себя неправым. Что посеешь, то и пожнешь. Буквально омывшись в крови врагов, он все же нашел и непосредственных виновников гибели своих близких. Нашел и покарал. Когда это случилось, тиски, постоянно сжимавшие его грудь, слегка поослабли, а ненависть немного притупи-

лась, вот только не сказать, что окончательно исчезла. Сегодня гульды снова пришли с войной на землю Брячиславии, снова готовы насиловать, убивать, грабить и жечь. Что ж, никто вас сюда не звал.

Виктор бросил последний взгляд на мальчишек, ухмыльнулся. Вот ведь, не хотел пугать, а мальцы с тихим вскриком порскнули с дороги, только пятки за сверкали. Да уж, его улыбки сейчас волк испугается и хвост подожмет, что о детях-то говорить. Мысленно махнув на них рукой, он пошел дальше, все больше мрачней от того, что люди старались податься в стороны, дабы не оказаться у него на пути. Вроде и попривык уже, но иной раз накатывало. Вот и сейчас как оглоблей огрели, даже дыхание сперло.

Люди его, как и ожидалось, находились на подворье. Даже сотники жили в сотницкой казарме, а вот у них — отдельное подворье. По здравому размышлению, воевода решил поселить эту братию обособленно. С одной стороны, отборные бойцы, снаряжения своего — видимо-невидимо, как и имущества. С другой — таких лучше держать в сторонке. Одного взгляда на эти разбойничьи рожи было достаточно, чтобы понять: добра от них не жди. Даже воевода для них не был авторитетом, лишь один человек мог отдавать им команды. Хотя они и считались людьми служилыми, командира своего никак не желали называть десятником — только атаманом и величали.

Во дворе его встретила старушка Любава. Знатная травница и лекарка, к ней люд со всей округи стекается, а она никому и не отказывает. Воевода хотел было возмутиться по поводу присутствия женщины среди военного люда, да потом махнул на все рукой. Вообще многое спускалось Добролюбу. Отчего Любава привязалась к этому человеку, никому было непонятно, но она определенно всегда старалась держаться к нему поближе. Может, оттого, что таким знахаркам время от времени достается от разъяренной толпы, когда ум за разум заходит, а в голове одна каша и хочется всю вину

за свои горести свалить на чьи-либо плечи. Для такого дела знахарь подходит как нельзя лучше. Потом и пожалеют, и повинятся, а назад уже ничего не вернуть. А коли рядом с лекаркой приключится такой вот удалец... Нет, злобу лучше выместить на ком-нибудь другом.

— Чего, добрый молодец, голову повесил?

— Скажешь тоже «добрый».

— Добрый-добрый, чай, родичи знали, когда имечко-то давали. А то, что до крови сейчас охочий, дак исцеление твое близко. Скоро совсем появится человек, который жизнь твою перевернет и заставит по-иному на все взглянуть.

— Бабка Любава, ты бросай предрекать-то, — горько усмехнулся Добролюб. — Лекарка да травница ты знатная, на всем свете такой не сыщешь, а вот в будущее ты лучше не зри. Не твое это. Что до доброты, так тебе ведь неведомы мысли мои, а они совсем не добры.

— Дак на ворога идти, откуда тут добру-то быть.

— Бабушка, а есть у тебя травка...

— У меня всякой травки в избытке, и та, что отправить в мир иной может, тоже имеется, потому как если с умом применять, то и она на пользу. Но то не про твою честь, — ничуть не напуганная нахмуренными бровями собеседника, выговорила старушка.

Было дело. Однажды Виктор прокрался в палатки маркитантов и потравил бочки с пивом. Как раз намечался штурм крепости Обережная, в которой сейчас он служил командиром разведчиков, а тогда... Тогда он был простым трактирщиком, израненным и озлобленным, жаждавшим забрать как можно больше жизней гульдов в отместку за то, что совершили их соплеменники. От штурма гульдам пришлось отказаться, так как к утру выяснилось: отравлен целый полк, выжить никто не сумел.

— Бабушка, ты бы сначала выслушала, а потом в крик бросалась.

— Ну говори.

— Нужно колодец потравить в Тихом.

— А я что говорила! — тут же подбоченилась старуха, устремляя на Добролюба победный взгляд и являя собой воплощение неподатливости.

— То, что за смертоубийством к тебе лучше не соваться, я ведаю, потому и прошу тебя не о том, чтобы потравить гульдов насмерть, а о том, чтобы они животами маялись дня два.

— А пока они маяются, из них вояки никакие... Ох и баламут!

— Как начнут животами маяться, так их командир пусть и принимает решение. Примет решение отступить — значит, все целы останутся, а пойдут дальше, понадеявшись на свой численный перевес, — ждет их беда, потому как хворый воин и не воин вовсе. Тогда воевода их легко согнет. Но вины твоей в том не будет, грех на их начальнике повиснет, ибо выбор у него имеется.

— Хитро. А ведь не по чести воинской.

— Ой, бабушка, и ты туда же.

— Ладно, чего уж там. Правда, придется известить чуть ли не половину всех запасов трав, намешаю такую бурду, что пронесет основательно. В Тихом два колодца... стало быть, два бурдюка готовить надо. Через пару дней и опасности никакой не останется, — явно успокаивая саму себя, подытожила она. — До полуночи-то время дашь?

— Можно подумать, у меня есть выбор.

Во двор вошла женщина с сильно округлившимся животом.

— Здравствуйте, бабушка Любава, — слегка поклонилась она.

— Чего тебе, Мила? — окидывая недобрым взглядом пришедшую, спросила старуха.

— Так на сносях я. Вот, думаю, как бы не того...

— Иди, Мила, не до тебя сейчас. Если ничего не приключится, то два дня у тебя еще есть.

Недоброе отношение к женщине, да еще и к той, ко-

торой вот-вот рожать, могло показаться по крайней мере странным, но ничего странного в поведении лекарки не было. Она-то чай тоже баба, а как порядочная женщина может относиться к гулящей? Срок придет — бабушка поможет, но только ее отношение к этой женщине не изменится. Конечно, гулящая гулящей рознь. Есть такая, что плоть свою тешит, но за дите любого ударит. А есть такая, которая до последней возможности о своей усладе думает, пока срок не приходит, а тогда мертвым младенцем разрешается. Гнать бы такую из села, да и без нее никак. Мужикам-то нет-нет — пар спустить потребно. И женки их о том знают, но виду не подают, будто ослепли и оглохли. А ведь в селе все на виду, да и в городах народу не больно-то много: среди четверых обязательно два знакомца найдутся.

Дверь просторной избы распахнулась, и на крыльцо вышел парнишка лет шестнадцати. Ладный должен был получиться мужик, да вот несчастье приключилось с ним пару лет назад, привалило в бурю деревом. Бабка Любава выходила, но паренька перекосило, так что ни за соху встать, ни другим мужским делом заняться. Не желая быть нахлебником в родительском доме до конца своих дней, паренек прибил к ватаге Добролюба. Ватажники поначалу ворчали по поводу прихоти атамана, с воеводой и вовсе отдельно беседовать пришлось, но Добролюб начальство смог убедить, а бойцы и сами угомонились, когда вдруг выяснилось, что они и обстираны, и снедь готова, и в доме прибрано. Нашел себя парень, хоть и тяжело ему.

— Тихоня, скажи парням, чтобы спать ложились, а потом бабушке Любаве помоги.

— Знать, доброе дело будет, господин десятник? — Лишь он один из всей ватаги десятником его и величает.

— Доброе, я на другие и не способен, — хохотнув и вновь одарив свет своей неподражаемой улыбкой или оскалом, произнес Добролюб, известный окрест под именем Вепрь.

— Смеяна?! Отец Небесный, ты как здесь?.. — Боян стоял, ловя ртом воздух, словно только что пропустил сильнейший удар в душу.

Было с чего. Дочь воеводы Смеяна, законная супруга Бояна, разрешилась от бремени почитай на два месяца раньше срока. Но, слава богу, мальчик родился крепеньким и здоровым. Сейчас она должна была находиться в Звонграде, а вернее, на пути в столицу. Имелся такой обычай: первенца молодая рожала в отцовском доме, коли до него было не слишком далеко. Там под материнским доглядом она проводила и первые пару месяцев, там и крестили ребенка. Если такой возможности не было, матушка приезжала сама и жила все это время рядом с дочкой. Разумный обычай. Кто, как не родная мать, и подскажет, и поддержит, и уму-разуму научит. Свекрови-то они разные бывают. Но даже если в новой семье молодую на руках носят, ей, бедняжке, все равно несладко, ведь из отчего дома уходит в иную семью, со своим укладом, все для нее там непривычно и в новинку.

Вяткины проживали в Брячиславле, столице княжества. Рассудив, что отец будущего ребенка несет службу неподалеку от Звонграда, решили отправить молодку рожать в ее отчий дом. Там и Боян сможет их навещать, и молодую мать будет кому поддержать. Вот только когда стало ясно, что гульды готовы выступить в поход, муж написал Смеяне, чтобы она немедля выезжала к его родителям. Но у нее, видимо, помутился рассудок, коли вместо столицы она направилась напрямик в пограничную крепость, когда война уже началась.

— Боянушка, любый мой, потом, все потом. Сама тебе вожжи принесу и спину под наказание подставлю, только сейчас погоди ругаться, — прижимая к себе младенца, скороговоркой проговорила молодая мать.

— Что стряслось? — Заместитель воеводы и гневаться позабыл, потому как вид жены встревожил его не на шутку.

— Захворал Ратиборушка. Сказывают, у вас тут бабка-кудесница проживает, даже с того света возвращает.

— Ты чем думала! — Это уж вспылит вышедший на крыльцо Градимир. Любил он дочку крепко, да только глупости потакать — последнее дело. — Его лечить нужно, а не в карете раскатывать.

— Отступились лекари! — уже навзрыд закричала Смеяна. И куда делся тот вечно улыбочивый и жизнерадостный лик? Слезы растеклись по красивому, но осунувшемуся лицу.

Вожжи там или строгий выговор, все потом. Кудесница бабка Любава или нет, это уже без разницы, не полкового же коновала призывать. Придется отправлять за бабкой, потом ждать, пока она поглядит мальчика, пока сходит за тем, что потребно, а тут, может, счет на минуты идет. Градимир вообще редко когда терялся, вот и сейчас долго раздумывать не стал. Кто сказал, что родители больше него испугались? Чай, внук не чужой младенец.

— Живо в карету.

Оно и недалеко, но все равно быстрее, чем пешком. Боян, хоть и встревожен, а на подворье, занимаемое разведчиками, ступил, не скрывая своего неудовольствия. Будь его воля, то такую горячку нипочем не стал бы пороть. Но кто его станет слушать, уж не тесть — это точно.

— Что стряслось, воевода? — удивленно встретила их лекарка, которая возилась у большого чана, установленного над костром и исходящего паром, разнося окрест запахи, далекие от благовоний.

— Внук приболел, и тяжело.

— Несите за мной.

Сказав это, старуха указала обретавшемуся здесь молодому калеке на котел, приглядывай, мол, и довольно легко для своего древнего вида зашагала к дому. На крыльце появился Добролюб, недоумевая, что это произошло, эвон целая делегация пожаловала, да еще и бабенка какая-то. Бабенка? СМЕЯНА?! Да что тут про-

исходит-то? Как же, стали ему объяснять, только и успел, что посторониться. При входе — прихожка; из той — два хода: влево — это в помещения, занимаемые десятком, вправо — к бабушке Любаве, у нее только одна комната, но самая большая, хозяйство у травницы немалое.

Пропустив мать с дитем, бабушка захлопнула дверь перед самым носом Градимира: это он гарнизону голова во всем, а ей — не указ. Кто бы сомневался! Виктор только и успел услышать старческое категоричное «неча». Ага, бабушка в своем репертуаре, коли делом занята, так и великого князя не постесняется оставить за дверью. Спрашивать Волков ни о чем не стал. Незачем, и без того понятно, что беда с дитем. Хм. Выходит Смеяна уж родила. «Забудь, — сказал он себе. — Ты всегда знал, что она не для тебя».

Виктор отошел к Тихоне, который колдовал над взваром, готовившимся по особому рецепту лекарки. Вообще-то будь бабушка иного нрава, то приготовила бы такой отвар, что упокоил бы всех гульдов со стопроцентной гарантией. Самая знаменитая отравительница Мария Медичи и ее помощник алхимик в сравнении с ней — просто дети шкодливые, в этом он ничуть не сомневался. Вот только на смертоубийство она нипочем не пошла бы, характер у нее стальной.

Эх, жаль, не подумал сразу. Готовился к войне, готовился серьезно и вдумчиво, множество мудреных придумок воплотил в жизнь. Если их сейчас использовать в бою, то, вполне возможно, удастся разбить армию гульдов, правда, только в одном сражении, не так чтобы и много всего успели изготовить. А тут всего-то и надо, что потравить колодцы — и приходи кума любоваться, пейте люди добрые. Ну да, все мы крепки задним умом.

А это еще что? Нет, насчет мужиков-то понятно, а мамку-то почто выдворила на улицу? Видать, та оказалась больно сердобольной, а это только помеха, вот и разошлась лекарка. Смеяна с плачем припала к груди Бояна, все так же стоящего на крыльце. Тот ее нежно

обнял и по стану поглаживает. От этой картины у Виктора аж дыхание сперло. Что это? Ревность? Э-э, парень, так нельзя. А ну-ка, пошел со двора, не то и до беды недалеко. Так, сам себя понукая, он вышел за калитку и направился к воротам от греха подальше. После того, что с ним случилось за последнее время, он очень сильно сомневался, что его не переключит самым непредсказуемым образом.

Крепость сейчас похожа на растревоженный улей. Народу видимо-невидимо: мало того, что дополнительный полк стрельцов и весь посад за стенами, так еще и почитай со всех окрестных деревень собрались. Весть о том, что великий князь бит на границе и отошел к Кукше, уже всем известна, как известно и то, что два полка гульдов движутся к Обережной. Сам Виктор о тех полках и поведал, вернувшись из разведки. Его парни сейчас отсыпались: почти двое суток в седле провели.

Вообще сейчас и Кукшинский, и Звонградский уезды стояли на ушах. Те, кто поосмотрительнее, бросали дома, собирали скарб, живность и уходили целыми селениями в леса, проклиная на все лады и Карлу, и его племя. Да и по князюшке не забывали пройтись, а то как же — не оборонил. Оставаться дома, когда такое творится, никому не хотелось. Даже свои славены, коли налетят, то разор учинят и надругаться не постесняются, что уж говорить о гульдах, эти вообще жалости не ведают.

На этот раз на постоялом дворе, принадлежащем Виктору, дело было поставлено куда лучше. Все имущество вывезено, станки разобраны и также надежно упрятаны, обильно смазанные салом, чтобы никакая ржа не добралась. Богдану Орехину особо развернуться не получилось, на инструменте удалось заработать только три тысячи. По местным меркам, это огромные деньги (если лошаденку крестьянскую можно и за пять рублей сторговать!), просто можно было получить и гораздо больше. Тем не менее, даже с учетом больших

расходов на подготовку к встрече с врагом, в кубышке у Виктора имелось пять тысяч рублей.

Он был прямо-таки богатеem и вполне имел возможность развернуть мануфактуру по производству инструмента по нарезке резьбы. Здесь лерки и метчики, обычные в мире Волкова, могут произвести революцию, а используемым станкам, изготовленным по разработке Виктора, вообще аналогов нет. Вот только закралось к нему в душу сомнение. А позволят ли ему так запросто владеть столь прибыльным производством? Ведь если развернуть хотя бы те станки, что у него уже имелись, он мог получать прибыль минимум две тысячи рублей в месяц, а то и больше. А там, где замешаны деньги... Местный полковой воевода Смолин благоволил Добролюбу, но кто знает, как далеко его благодетельство простирается.

Лиса Отряхина, звонградского купца, через которого шла реализация готовой продукции, мастера чуть не за грудки тягали, требуя продать чудо-инструмент, но тому предложить пока было нечего. Он только и мог, что разводил руками, ссылаясь на беспокойные времена и на то, что изготовитель отчего-то перестал торговать с ним. Всем было невдомек, что производят тот товар на территории Брячислави.

Виктор подумывал обосноваться в долине, где ему удалось накрыть банду разбойников, но по здравому размышлению решил все же проверить, как там и что. Выводы оказались не в пользу местечка. Ветра там если и дули, то лишь изредка. Обычно стояло полное безветрие, а если ветер и поднимался, то особой силой не отличался. Долина надежно укрыта скалами, становившимися непреступной стеной на пути воздушных потоков. Река полностью перемерзала, несмотря на быстрый бег, может, чуть позже, чем реки со спокойным течением, но ненамного, чтобы это имело решающее значение. А коли привода для станков надежного не будет, то какой смысл городить огород? Ты поди еще все

протащи в тот узкий проем да сквозь труднопроходимый лес.

Конечно, можно было обосноваться и там, благо прибыль обещала перекрыть все время вынужденного безделья с лихвой, но Виктор всерьез подумывал о том, чтобы перебраться в Новый Свет. Да, там опасно, но та опасность явная, когда все ясно: вот ты — а вот твой враг, здесь свои — там чужие. До Бога высоко, до царя, то есть до великого князя, далеко, так что можно будет крепко устроиться, да и представители власти там будут поговорчивее, ведь кругом только те, кто готов их сожрать.

— А-а-а!!!

— Убилась!!!

— Лекарку!!! Лекарку зовите!!!

Истеричные женские крики разом вывели Виктора из задумчивости. Бабье племя любит голосить по поводу и без такового, но по интонации можно легко угадать, когда они голосят на публику, чтобы привлечь внимание окружающих, мол, поглядите люди добрые, что деется, когда от горя, а когда просто за компанию, чтобы поддержать товарку. Но этот крик однозначно указывал на то, что случилась нешуточная беда. Волков еще не успел задуматься над вопросом, что же такое могло приключиться, как уже бросился на крики. Не отдавая себе отчета, он выхватил пистолит, словно готовился отразить нападение. Время военное, все помыслы об этом, так что его реакцию понять можно. Но вскоре он увидел, что, хотя беда и приключилась, оружие здесь было лишним.

Толпа расступилась перед ним, словно заросли камышей, которые вроде растут плотно, но противостоять прущему напролом человеку не могут. Люди сами начинали подаваться в стороны, едва заметили, кто именно пробирается сквозь плотные ряды. Когда Виктор оказался в центре скопления людей, то увидел двух баб, склонившихся над телом женщины. Именно эти бабы и взывали о помощи. Быстрого взгляда оказалось

достаточно, чтобы узнать в несчастной, что распласталась на земле возле крепостной стены, давешнюю разбитную бабенку Милу, которая была на сносях и коей бабка Любава прочила еще пару дней до родов.

— Что тут стряслось? — присаживаясь на колени и пытаясь нащупать живчик на шее, угрюмо бросил Виктор.

Опешившие бабы тут же позабыли голосить. Исподлобья глядя на страшилище, пристроившееся рядом, одна из них ответила:

— На стене она помогала, оступилась — и вниз головой.

— Головой приложилась?

— Ага.

Не нащупав пульса, Виктор взял покойницу за подбородок, и голова как-то подозрительно легко качнулась в сторону. Похоже, шею сломала. Он взял руку и попробовал нащупать пульс на запястье. Тоже ноль. Положил руку на грудь. Вроде тоже ничего. А хотя... Что-то так слабенько трепещет... Нет, не там, где он пытался почувствовать сердцебиение, но он явно что-то почувствовал. Показалось? Нет, вот опять. Сам не зная отчего, еще не осознав своих действий, он положил ладонь на вздымающийся живот мертвой женщины. Вот оно. Когда Голуба ходила тяжелой, он не раз и не два прикладывался к ее животу, чтобы почувствовать толчки беспокойной Нежданы. Ни с чем иным он не мог это спутать.

Времени на раздумья нет. Впрочем, вполне возможно, что и есть, откуда ему-то знать? Он чай не лекарь и не повитуха. Единственное, в чем Виктор твердо уверен, эта женщина мертва.

— Вот что. Пошли отсюда все, — приказал он зевакам.

Но толпа и не думала расступаться. Тогда Волков поднялся на ноги и, обведя всех тяжелым взглядом, рыкнул:

— Кому сказал пошли прочь!

А вот этого оказалось достаточным. Связываться с этим сумасшедшим, слившим целые реки крови, никто не пожелал. Буквально несколько секунд — и рядом не осталось никого. Нет, толпа его не остановила бы, но то, что он собирался сделать, со стороны могло показаться настолько диким, что, вполне возможно, какая-нибудь баба попыталась бы ему помешать. А тогда могло случиться все, что угодно. Опустившись опять над трупом, Волков выхватил боевой нож и разом вспорол платье и нижнюю рубаху. После этого, мысленно перекрестившись, рассек плоть...

— Ты, сынок, на молодку не серчай. — При этих словах молодой боярич даже скривился. Еще бы, такое вольное обращение. Но бабка Любава словно и не видела ничего. — Если бы еще денек протянула, то потеряли бы вы мальчика. Как есть потеряли бы.

— Так теперь все в порядке? — крепко прижав к себе младенца, с надеждой спросила Смеяна.

— Будет в порядке, — убежденно поправила ее старуха. — Поживешь в крепости, полечим твоего Ратиборушку. Выправится, никуда не денется, будет еще вас радовать и докучать своими шалостями.

— Думаешь ли, о чем говоришь, старая! — вскинулся Боян.

Вот ведь какой. Его дитя с того света тянут, а он...

— Боян! — не выдержал Градимир. Понятно, что статус ее намного ниже, но ведь услугу неоценимую оказала. Опять же — возраст уважения требует. — Я тебе не отец, но не думаю, что тому тебя батюшка твой учил. А ты, бабушка, нешто не ведаешь, что творится окрест? Может, вместе со Смеяной в Звонград поедете?

— За заступничество благодарствую, да только мне никуда ехать не нужно. Я все мамке обскажу, настои и травки дам, сама управится. Только изредка навещать буду, глянуть, что да как. А вот мальцу ходу отсюда нет. Не перенесет он пути. В доме, в тепле и уюте ему надлежит быть. Поэтому хоть земля разверзнется, а в дорогу

ему никак нельзя. Смерть это верная... Ох, Отец Небесный! Нешто натворил чего, горячая головушка?!

Градмир и Боян недоумевающе переглянулись — уж слишком резкая перемена произошла с бабкой. Но в следующее мгновение сообразили, что смотрит она вовсе не на них, а куда-то им за спину. Мужчины обернулись. Туда же взглянула и Смеяна, все так же прижимая к груди притихшего младенца. К подворью со всех ног бежал Добролюб, с окровавленными лицом и руками, сжимая скинутый с плеч кафтан. Бежал так, словно за ним сто чертей гонятся и вот-вот нагонят.

— Бабушка! Неждана!

— Чего голосишь? Натворил чего?

— Неждана, — протягивая ей свернутый кафтан, тоже в крови, произнес мужчина.

И вот ведь странность: лик страшен настолько, что кажется, иного выражения, кроме свирепости, на нем и быть не может, но вот читаются на лице и страх, и растерянность, и тревога, и еще бог весть что.

— Мила?

— Со стены упала, насмерть расшиблась.

— Ох, Отец Небесный!

Никто еще толком ничего не понял, а бабка уж выхватила из его рук кафтан, как-то подозрительно пискнувший, и стремглав унеслась в дом. Добролюб — за ней. Ага, размечтался! Дверь прямо перед носом хлопнулась, только и услышал:

— Тут побудь.

Что ж, делать нечего. Остался в прихожей, переминаясь с ноги на ногу. Через пару минут бабка вновь появилась на крыльце и глянула на Смеяну:

— Мальца-то грудью кормишь?

— Кормлю, — растерянно ответила та.

— А ну подь сюды.

Вот расскажи кому, не поверят! Старуха из народа отдает приказания боярской дочке. Но никто даже и не подумал возражать властным распоряжениям лекарки, а молодая мать покорно проследовала в дом, все так же

прижимая к себе дитя. Когда она вошла в уже знакомую комнату, то увидела, что на столе лежит туго спеленутый младенец, уже начавший хныкать. По опыту Смеяна знала: вот еще чуть — и округа огласится громким, требовательным плачем. Бабка указала на стол, где лежал младенец, и снова распорядилась не допускающим возражений тоном:

— Покормить нужно. Давай сынка подержу.

Боярская кровь есть боярская кровь. И тому, в чьих жилах она течет, не занимать гордости, гонору и спеси. Смеяна всегда знала, какое положение в обществе она занимает, и цену тому положению тоже знала. Вот только материнское чувство особенное. Стоит молодой матери увидеть беспомощное дитя, как разум тут же замолкает, уступая место сердцу. Смеяна, ни на мгновение не задумавшись, согласно кивнула, сунула Ратибора в руки старухе, а сама взяла кулечек и выпростала грудь.

— Ох!

— Что, милая? — участливо спросила старуха.

— Ну и хватка у него.

— У нее. Девка. А что хватка крепкая, так чего удивляться? Кровь — она не водица. А ты чего же сама кормишь? Никак мамку сыскать не смогли? — недоверчиво поинтересовалась Любава.

— Отчего же. Есть мамка, в воеводском доме осталась. Только моя матушка рассказывает, что дите непременно должно материнским молоком вскармливаться, в нем сила. Вот коли моего не достает, то кормилица подкармливает.

— Мудра твоя матушка, — кивнула старуха и неожиданно добавила: — От ить беда. Как быть, даже не знаю.

— Что стряслось-то?

— Да по всему видать, мать ее преставилась. Не знаю, как там вышло, но догадку имею, что расшиблась она насмерть, а Добролюб, аспид наш местный, развалил ей уж мертвой живот и вытащил дитя.

— Это как же так-то?!

Что это? Никак страх в глазах мелькнул? Впрочем, что тут удивительного — такие страсти рассказывают.

— А вот так. Если поспеть вовремя, то дитя спасти можно. Он поспел, — пояснила травница.

Теперь в глазах молодой матери читалось восхищение: не каждому дано отважиться на такой поступок, на который решился Добролюб.

— Эвон и пуповину обрезал как зря. Но, видно, Отец Небесный любит его и длань над ним свою распростер. А как теперь быть, и не знаю. Нет среди местных баб кормящих матерей. Не упомяну, чтобы такое было: прорва народу — и ни одной с грудничком.

— Так беда-то в чем? Чай, коровки не перевелись. Понятно, что сейчас молока взять неоткуда, но в крепости коров много, сама видела.

— Это так, да только слаба еще девка, ей хоть недельку материнское потребно. Ну да Отец Небесный не оставит. Коли направил туда Добролюба, — а иной вряд ли решился бы, — глядишь, еще разок Неждане поможет.

— Неждане? — переспросила Смеяна.

— Разве не слышала, как он ее величал? Видно, дочурку покойную в ней узрел. Теперь никому не уступит, себе заберет, оно и по праву.

— Как так?

— Дак его это дочка, потому и прежнюю Неждану в ней сразу узрел. Кровь, она сильнее любых уз будет.

— Бабушка, нам ить все едино тут оставаться, так давайте мы к себе ее пока заберем. Мамка-то своего младенчика дома оставила, у родственницы, а как покормит Ратиборушку, так и сцеживает, чтобы не перегорело молоко, так что беды в том не будет.

— Ох-ох-ох, доченька. Тут и без того не ведаю, как быть. Натворила старая головушка, совсем уж ума лишилась.

— Что случилось-то?

— Да случилось, красота ты моя ненаглядная. Ить

какое дело, ребеночек этот не от честной мамки, а от гулящей.

При этих словах Смеяна непроизвольно дернулась, отчего Неждана выпустила грудь и тут же потешно зашевелила губами, стараясь вновь ее выискать. Старуха только виновато улыбнулась и собралась уже поменять детей, дабы вернуть матери законного отпрыска и забрать незаконнорожденную. Однако боярышня удивила ее. Слегка отвернувшись, словно желая сказать, мол, не трогай, поправила грудь — и девчушка тут же вцепилась в сосок, вырвав у кормилицы очередной непроизвольный вздох и улыбку.

— Грехи лежат на родителях, — внимательно глядя на младенца, убежденно проговорила она. — В детях нет греха, они чисты и замараться о них нельзя. Так матушка сказывала.

— А как же Боян?

— Было дело, что род наш едва не пресекался и вновь возродился стараниями простого люда, спасшего моего прадеда в младенчестве. Дети боярские молоком холопским взращиваются. А как иначе, так и нельзя?

— Это иное.

— Поймет, — убежденно тряхнула Смеяна головой, уверенная в своей правоте и в своем любимом муже.

Тем временем, наскоро ополоснувшись, Виктор отправился заниматься похоронами Милы, которая все так же лежала у стены, прикрытая остатками платья и платком. Когда он пришел, то обнаружил, что крестьяне не оставили тело без догляда: ее уже успели обмыть, а рядом двое мужиков наскоро ладили гроб из грубо отесанных досок. Люди встретили его настороженными взглядами, осеняя себя косым крестом. Однако когда узнали, что с девочкой вроде как порядок и о ней справляет заботу старая лекарка, немного поостыли, а если косились на Добролюба, то это уж по старой привычке. К детям отношение здесь было особым: человек, который, ничего не убоявшись, спас ребенка, за-

служивал уважения. Вот кабы не уберег малютку... А раз так, то...

Время горячее, поэтому с похоронами затягивать никто не стал. Снесли покойницу в церковь, где бабушка ее отпел, а потом — на погост. Виктор не скупясь уплатил всем за старания и помощь. Были и те, кто отказался, но нашлись и те, кто оплату принял. Одним словом, все вышло по-людски. Обошлись без поминального обеда, но Волков всем присутствующим раздал монет, чтобы помянули покойницу, и тут уж от денег никто отказываться не стал, потому как помянуть — дело святое.

Глава 2 ЛИШЕННЫЙ ВЫБОРА

В путь, как и планировалось, Виктор и его помощники выдвинулись около полуночи, как только взвар был готов. Зелье должно было войти в силу, когда полностью остынет, но времени для этого имелось предостаточно. Конечно, у бабушки выдался тот еще денек, но дело она сделала. В основном за процессом приготовления следил Тихоня, но лекарка заверила, что все в порядке и варево удалось. Виктор отправил Соболя в лесной стан, где базировался десяток Горазда, еще за светло, едва управившись с похоронами. Волков не хотел полагаться лишь на возможность устроить драгунским полкам искусственную дизентерию. Мало ли как оно обернется. Допускать гульдов к крепости он теперь не желал ни под каким предлогом. И не только приказ Градимира стал тому причиной.

Поначалу намеревались просто потравить колодцы: попадутся на удочку — хорошо, а нет — тогда подпустить их к крепости, устроив по пути кровавую баню с помощью имеющегося под рукой снаряжения. Не сказать, что у него достаточно средств: все же много он

взять с собой не мог, потому как сложно сохранить все это в тайне. Однако в наличии кое-что имелось: десяток одноразовых картечных, по десятку надствольных и по шесть ручных гранат на каждого.

Люди вооружены нарезными карабинами и имеют опыт их использования с расстояния шестьсот шагов. Так что мало гульдам точно не показалось бы. А когда враги расположились бы лагерем напротив Обережной, он планировал и дальше портить им кровь, для чего собирался привлечь второй десяток людей и остальные средства, остававшиеся в тайном стане, где сейчас находились все обитатели постоянного двора. С самим-то подворьем он уже заранее простился. Но это ерунда, главное — его люди.

За Градимира и полки, что выдвинутся навстречу противнику, он не переживал. Во-первых, он сразу предупредил воеводу: если вдруг не будет от него посланника, тот должен будет отойти к крепости. Во-вторых, своими действиями он намеревался отсрочить подход врага к Обережной на сутки. До вечера он с парнями кружил бы коршуном над противниками, а к ночи те и сами остановились бы. А там и еще один переход.

Вот только все эти планы пошли псу под хвост. Поначалу в крепости появилась Смеяна. Она вновь заставила учащенно биться сердце Виктора, хотя давно уже мужняя жена и успела стать матерью. Потом Неждана. Что творилось у него в душе, когда он взял в руки младенца, он не смог бы объяснить, даже если бы от этого зависела его жизнь. Словно кто-то переключил какой-то неведомый тумблер: вот был один человек, а вот уж — совсем иной. Нет, в нем не проснулся человеколюбец. Он по-прежнему готов был сражаться с врагом, вторгшимся на землю, ставшую для него родной, но это уже не было самоцелью. Буквально в момент он обрел новый смысл жизни, которым стал маленький комочек, зашедшийся плачем в его руках. Наверное, это было наваждение, но Виктор словно наяву увидел пе-

ред собой погибшую Неждану. Сколько он ни тряс головой, наваждение не пропадало.

Виктор хотел вывезти малышку в лесной стан и передать в заботливые руки Беляны. Он верил, что все обойдется, тем паче что и бабушку намеривался отправить туда же, как бы она ни брыкалась. Никого из дорогих его сердцу людей оставлять здесь он не собирается, потому как если не удастся сдержать натиск гульдов, падение крепости лишь вопрос времени, а штурм будет кровавым, сомнений в том не было. Потом выяснилось, что Смеяна не может покинуть крепость: ее мальца ни в коем случае нельзя перевозить в карете. А там и Неждана вдруг оказалась у нее на руках.

Оставить Смеяну в таком опасном месте он не мог. Неждану под самым благовидным предлогом Виктору не отдал воевода. Не было в его словах угрозы, была лишь забота о ребенке, сиротинушке неприкаянной. Ничего не поделаешь, воевода тут закон, а в условиях войны и подавно. Ему и определять, кому удочерять малютку. Вроде все по правилам, но власти обычно в подобные дела не вмешиваются, если только какие-нибудь семьи не подерутся, кому брать заботу о ребенке. Не знали в этом мире приютов, их тут просто не существовало. Осиротевшего ребенка, у которого нет никакой иной родни, брали на воспитание чужие люди, даже если достаток в семье был более чем скромный.

Умен все же Градимир. Как он четко сумел уловить настроение Виктора и упредить его действия. Волкову поначалу и невдомек было, что основную роль в таком развитии событий сыграл не воевода, а Смеяна. У молодой женщины появилось подспудное желание оставить девочку при себе, и то, кем была мать малютки, ее ничуть не смущало. Боян и слышать не желал о том, чтобы его сын и плод гулящей бабы были вскормлены одной грудью, при этом он подразумевал даже не свою жену, а кормилицу. Смеяна стояла на своем твердо,

прижимая к себе двоих детей, заливаясь слезами и приговаривая:

— Вот выправят девочку материнским молоком, а потом уж можно будет ее и отдать. Ить нету здесь кормящих! На сносях бабы есть, а с грудничками — нет.

Попробуй повоюй с бабой, в которой мать заговорила. Этот голос никакими вожжами не заставишь замолчать. Бывали случаи, когда молодка с младенцем быстро забежит в дом к соседке, попросит присмотреть за дитем, чтобы ненароком не зашиб разбушевавшийся муж, а сама шмыг обратно в дом, под мужние крепкие кулаки. И бьют ее смертным боем, и благим матом кричит она от боли, и пощады просит, и старается как-нибудь успокоить разошедшегося мужика, а душа ее спокойна, потому как дите пристроено под доглядом товарки.

Пока Смеяна препиралась с мужем, Градимир отошел в сторонку. Смеяна, конечно, любимая дочка, но чай уж замужем в иной семье, где свой уклад, не следует туда влезать. Он подошел к бабушке да задал пару вопросов: вроде как и заботу о малютке проявил, но вызнал у бесхитростной лекарки все, что нужно. Узнал достаточно, чтобы понять: Неждана сейчас крепче всякой цепи привяжет Добролюба к крепости и заставит превзойти самого себя. Ни на минуту воевода не забывал о том, что обязан исполнить повеление великого князя, хоть на пупе извернувшись.

Вернулся к Бояну и попросил закончить начатый разговор в доме. Мол, нечего Ратибора хворого на улице держать да разговоры разговаривать при всем честном народе. Смеяну с детьми посадили в карету, а Градимир с зятем пошли пешком. О чем они разговаривали, Виктору уж было неведомо, так как о произошедшем он узнал от бабушки Любавы, но догадаться мог, потому как ненавидящий его Боян отчего-то сменил гнев на милость и позволил Смеяне оставить на время девочку у себя.

— Что, Вепрюшка, екнуло сердечко? — пытливо посмотрела на него Любава.

— Не то слово, бабушка, словно в тиски угодило.

— Иначе и быть не может.

— Отчего же?

— Так твоя дочка, касатик. Ты не гляди на меня, как на умалишенную, уж кто-кто, а я знаю, что говорю. Я твою Неждану не видела, но уверена, что они на одно лицо.

Это как же так-то? Ведь за все время он только раз и позволил себе. Не было больше желания, лишь однажды сходил к Миле, когда вернулся из Звонграда, после свадьбы Смеяны — его первой, настоящей, безответной и безнадежной любви. В него тогда словно бес вселился, а потом ничего, отпустило. Но права бабка, у прежней Нежданы и нынешней — одно лицо.

После разговора с лекаркой он бросился в воеводский дом, дабы забрать ребенка, но получил отказ. Мол, недосуг тем делом заниматься, сиротка под доглядом, так чего о том разговаривать? Нужно думать, как ворога бить. Понимал Виктор воеводу. Не одобрял его действий, ярился, камень за пазухой тяжкий заимел, но понимал. А еще понял, что не простит ему этого. Мелькнуло было желание силой забрать Неждану, да та мысль сразу погасла. И отнюдь не полсотни оружных стрельцов, отчего-то рядом с воеводским домом оказавшихся, его остановили. Ну заберет он Неждану, и что дальше? Как быть со Смеяной? Разорвать себе сердце надвое? Не было у него иного выхода, кроме как не допустить врага к крепости.

Виктор и его помощники прибыли в Тихое ближе к полудню. В селе все еще оставалась часть мужиков, тешивших себя надеждой, что беда их все же минует и ворог пройдет стороной. Наивное желание, если учесть тот факт, что вдоль Турани только одна дорога до Обережной и иного пути у гульдских полков быть не может. Пришлось доходчиво разъяснять ситуацию и уговари-

вать, чтобы не маялись дурью, а попросились с домами (потому как их все равно пожгут) да уходили в леса к своим близким. Местные, чего доброго, могут бучу учинить, потом мучайся с ними, успокаивай да отгоняй. Рассуждать будут примерно так: «Вот потравят колодцы, а как потом из них воду пить? А ну как гульды потравятся — тогда лютовать начнут и дома точно пожгут». Можно подумать, когда-нибудь иначе было, но попробуй объясни это крестьянам, которые до последнего надеются на лучшую долю и на благосклонность Авося. Выпроводив селян, приступили к работе с колодцами.

— А ну как не станут гульды на постой в Тихом?

— Куда они денутся! Зачем становиться в чистом поле, коли вот она, деревня, нетронутая и обжитая. Так что, Кот, не сомневайся, встанут. Ночи еще прохладные, уж офицеры не откажутся расположиться в домах, — убежденно проговорил Виктор.

Парень только пожал плечами. Быстро пристроив на срубе бурдюк, он вынул затычку, а потом придавил сверху, чтобы побыстрее опорожнить его. Тугая струя тут же зажурчала, падая в колодец.

Передовой разъезд драгун появился уж ближе к вечеру. Очевидно, гульды были уверены, что если гарнизон Обережной и выйдет им навстречу, то не станет отходить слишком далеко от крепости. Буквально через час начали стягиваться и остальные части. Первый полк прошел село насквозь и встал лагерем перед небольшой речушкой, впадающей в Турань. Не меньше двух рот переправились на другой берег, где также стали лагерем. У моста по обоим берегам реки выставили караул.

Речушка-то вроде и небольшая, но глубокая, с ходу не переправишься. Находишь село поближе к крепости, Градимиру достаточно было бы встать на ее берегу, и пути тем полкам дальше не было бы. Но при этом противник мог подогнуть речные суда и куда быстрее спла-

виться по Турани до Обережной. А сколько в том гарнизоне людей оставалось бы? Вот то-то и оно, потеряли бы крепость. Начни воевода отступление — и на его загривке повисли бы гульды. Не было гарнизону сюда ходу, слишком далеко, оттого и не рассматривался этот вариант.

В самом селе остались только драгуны, артиллерия и повозки с припасами. Как и ожидал Виктор, в домах устроились на постой офицеры. Второй полк в село входить не стал, разбил лагерь перед ним. Похоже, с переправой не торопились. Сомнений в том, что славены не решатся на атаку вдаль от Обережной, у командира не возникло. Но на всякий случай он все же решил перестраховаться и иметь рубеж в виде реки, дабы избежать внезапного нападения. Двух рот в качестве заслона на том берегу, если кто решит устроить налет и поджечь мост, вполне достаточно.

Вот солдаты начали разводить костры да устанавливать треноги: пора уже озаботиться ужином, ведь целый день на марше — не шутки шутить. Виктор поначалу удивился, отчего это противник не задействовал речные суда, как в прошлую кампанию, но потом пришел к выводу, что скорее всего суда сейчас заняты обслуживанием основной армии, а этому корпусу вменялось всего лишь взять под контроль тракт. Гульды были уверены, что никто не станет отправлять помощь осажденным. Оно и понятно: какая помощь, коли сейчас думы все о другом.

Сведения, доставленные Виктором, еще до конца зимы получили свое подтверждение из других источников, и великий князь приступил к подготовке. За зиму в пограничные крепости завезли припасы, пополнили арсеналы оружием, так чтобы их коменданты могли вооружить большее число ополченцев. Вот только подкрепление направили лишь в Обережную, имеющую наибольшее стратегическое значение.

Едва снег стаял и земля просохла, двинулись к границе и полки. Великий князь решил дать бой гульдам и

вывел к Турани семидесятитысячную армию. Гульдов оказалось меньше на десять тысяч, но это не помешало им переправиться, причем в самые сжатые сроки, и подготовиться к встрече славенского войска. Там, у Турани, и произошло сражение, которое Миролюб вчистую проиграл Карлу, несмотря на превосходство и в людях, и в пушках. В этом бою в высшей степени проявили себя полки нового строя под командованием иноземных офицеров, которые служили за славенское золото, и нужно признать — служили исправно. Но те полки не составляли и трети от общего числа.

Карлу удалось опрокинуть стрельцов на левом фланге и обратить противника в бегство. Вот тут-то и проявили себя новые части. Мало того что они неприступной стеной стояли в центре, так еще и приняли на себя основной напор ринувшихся в наступление гульдов. Ведя арьергардные бои, отбивая одну атаку за другой, истекая кровью, они сумели сбить наступательный порыв противника, отступить в полном порядке и предотвратить избиение армии. Именно благодаря им кампания не закончилась, едва начавшись. Армия брячиславцев отошла в полном расстройстве, но не была разбита окончательно.

Гульдам тоже изрядно досталось в том сражении, поэтому две армии сейчас стояли лагерем друг против друга и зализывали раны. Обе стороны спешно готовились к новому сражению. Вот и выходило, что если подкрепления и будут отправлены, то к Кукше, где сейчас находился Миролюб, но никак не к Обережной. Насколько знает Виктор, гульды даже не стали брать пограничные крепости, хотя те сделаны из дерева и огненному бою долго противиться не смогли бы. Вместо этого к Ладе и Забаве отправили по одному полку, чтобы держать их под контролем, — это Карлу куда более выгодно, чем ослаблять свои силы в штурмах крепостей, не имеющих особого значения. Вот если бы разгром был полным, тогда дело иное, а в данной ситуации лучше не торопить события.

Хм... а это еще что за новости? Вон же колодцы со столь желанной водой, холодной и чистой. Так куда же вас черти несут?! Выходит, зря бабушка извела припасы трав. Не удалась ловушка, не попались гильды. Вот ведь напасть! Солдаты, вооружившись различными емкостями, направлялись к речушкам, ручьям, к самой Турани, но никак не к колодцам, подготовленным для встречи дорогих гостей. Видно, из прошлого опыта сделали правильные выводы и готовы проделать лишний путь и использовать воду чуть погрязнее, нежели про- верить, решатся ли брячиславцы отравить свои колодцы или нет.

Виктор наблюдал за селом через подзорную трубу, а потому все мог разглядеть в деталях. Качество панорамы так себе, по центру вполне приличное приближение и приемлемая видимость, по краям все расплывается, но зато устройство стоит безумных денег. Волков очень сильно сомневался, стоит ли вываливать огромную сумму за некачественный товар, но его уверяли, будто качество самое что ни на есть высшее. Впрочем, может, так оно и было: поди изготвь в нынешних условиях хорошие линзы.

— Никак зря старались? — в сердцах посетовал находящийся рядом Зван. У него подзорной трубы нет, но тут и невооруженным взглядом видно, что суеты у колодцев, обычной в подобных случаях, нет и в помине.

— Выходит, что зря, — столь же разочарованно крикнул Виктор.

Значит, не по нраву вам колодезная вода. Что ж, видит бог, он хотел обойтись малым. А раз так, то придется действовать иначе. Вот только нужно все доподлинно рассмотреть, что там у них да как, чтобы впотьмах чего не напутать. В том случае, если гильды не попадутся на крючок, он собирался доставить беспокойство врагам, пустить им кровь, но без особого риска для себя и своих людей. Но то было раньше. Сейчас ситуация поменялась в корне. Не мог он позволить противнику

дойти до крепости. Даже голову готов был свою положить, лишь бы заставить их повернуть восвояси.

— Что делать-то будем, атаман? — когда они вернулись к остальным, задал интересующий всех вопрос Зван.

— Вы отправитесь к месту встречи с Гораздом и приведете отряд на определенную мною позицию. С рассветом, когда гульды начнут готовиться к выступлению, взорвете мост, обстреляете их из минометов и закидывайте гранатами. Как с этим делом покончите, уходите. Найдете удобное место, снова устроите засаду и повторите. Когда выйдут все сюрпризы, уйдете в леса и станете досаждать врагу по мере сил и возможностей, ну а коли не захотите, то и винить мне вас не в чем. Зван, передашь Горазду, что я велел указать, где малая казна. Там побольше вашей доли будет, так что обмана с моей стороны нет.

— Ты никак прощаешься с нами, атаман? Что удумал-то? — внимательно посмотрев на Виктора, спросил Зван. Действительно, все выглядело так, словно их вожак свою последнюю волю высказывает.

— Не знаю, сумею ли воротиться. Однажды такое уж проделал, но случится ли то везение вдругорядь, бог весть. На тех повозках, что в центре села, все: и продовольствие, и боевые припасы, эвон и пушки там же. Хочу прокрасться да подпалить огневой запас. Коли полыхнет, то гульдам почитай и воевать не с чем будет. Опять же многие командиры в домах расположились, может, удастся и их приголубить тем взрывом. Не всех, но скольких зацепит.

— А отчего сам-то? — Это Куница не выдержал. Оно и понятно: в отсутствии Соболя он — первый разведчик. Задело, видать.

— Потому как все село гульдами кишит. Потому как мне есть за что так рисковать. У вас такой причины нет.

— Ты нормально-то сказывать можешь? — вновь не выдержал Зван.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Неждана	5
<i>Глава 2.</i> Лишенный выбора	24
<i>Глава 3.</i> Битва за Обережную	74
<i>Глава 4.</i> Дела семейные	113
<i>Глава 5.</i> Сборы	138
<i>Глава 6.</i> Сделка	194
<i>Глава 7.</i> Пиратская гавань	222
<i>Глава 8.</i> Пират	250
<i>Глава 9.</i> Первый после Бога	285